

УДК 9+908

А. А. Мурашев

**ГРАФ А. И. МУСИН-ПУШКИН И ЕГО ДОМ НА РАЗГУЛЯЕ
(АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ)**

Рассмотрены вопросы, связанные с историей уникального рукописного собрания древностей российских, принадлежавшего графу А. И. Мусину-Пушкину, владельцу замечательного памятника русского классицизма — дома на Разгуляе в Немецкой слободе в г. Москве.

Ключевые слова: граф А. И. Мусин-Пушкин, М. Ф. Казаков, классицизм, архитектура, строительство, дворянская усадьба, Н. М. Карамзин, летопись, «Слово о полку Игореве», русская словесность.

The article considers the issues connected with the history of the unique collection of manuscripts of Russian antiquities that belonged to count A.I. Musin-Pushkin, the owner of a remarkable monument of Russian classicism — the house in Razgulyay, Nenets settlement in Moscow.

Key words: count A. I. Musin-Pushkin, M. F. Kazakov, classicism, architecture, construction, noble manor, N.M. Karamzin, chronicle, «the Word about Igor's regiment», Russian literature.

Среди памятников архитектуры старой Москвы особое место принадлежит дворянской усадьбе графа А. И. Мусина-Пушкина. Общепризнано, что графский дом на Разгуляе — замечательный памятник московского классицизма. Главный архитектор Москвы М. Ф. Казаков (им созданы архитектурные ансамбли Московского университета, Дома Благородного собрания, Голицынской больницы и т. д.) строил и в Басманной части Первопрестольной — дом уральского горнозаводчика Демидова, церковь Вознесения. «Многие московские краеведы, — свидетельствуют известные исследователи-москвоведы, — считают, что и здание на Разгуляе построено архитектором М. Ф. Казаковым» [1]. Неким диссонансом звучит мнение Я. М. Белецкого, что «...автор дома на Разгуляе — не Казаков. Ни “архитектурными альбомами”, созданными трудом самого зодчего, ни архивами авторство его не подтверждается. Тем не менее, архитектор, создавший ансамбль дома Мусина-Пушкина, несомненно, был близок кругу Матвея Федоровича Казакова и также, несомненно, являлся незаурядным мастером “искусства строить”, обладая талантом градостроителя» [2].

Алексей Иванович Мусин-Пушкин родился 16 (27) марта 1744 г. в Москве и получил начальное образование в доме своего отца капитана гвардии Ивана Яковлевича Мусина-Пушкина. В 1757 г. был определен в Артиллерийское училище, по окончании которого находился в военной службе до 1772 г., будучи в последнее время адъютантом при генерал-фельдцейхместере князе Г. Г. Орлове.

В 1772 г. А. И. Мусин-Пушкин, оставив службу, отправился в путешествие по Европе, где посетил Германию, Францию, Голландию и Италию. Тогда же «начал он повседневную записку о всем, где был и что любопытного заметил, а особенно касательно художеств, которую и продолжал до возвращения своего в Отечество...» [3, с. 77].

По возвращении в Петербург (1775) он был пожалован церемониймейстером Высочайшего Двора, проживая в купленном у князя С. С. Гагарина доме

на Малой Морской [4]. Алексей Иванович продолжал вести «повседневную записку», в которую вносил «все до сведения его доходившие исторические и политические происшествия и анекдоты, собирая при том отечественные монеты и редкости».

В 1781 г. А. И. Мусин-Пушкин женился на княжне Екатерине Алексеевне Волконской, а годом позже молодые сняли дом на Мойке, принадлежавший Н. А. Демидову. В этом доме Алексей Иванович — управляющий Корпусом чужестранных единоверцев (с 1789), а также обер-прокурор Святейшего Синода (с 1791), президент Академии художеств (с 1794) [5] — прожил вплоть до переезда в Москву в 1799 г. В этом доме родились все его дети (три сына и пять дочерей) и было создано основное его детище — знаменитая коллекция древностей российских.

Похоже, основным стал 1791 г., когда обер-прокурор Святейшего Синода «нечаянно узнал, что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах премножество старинных книг и бумаг, принадлежавших комиссару Крекшину (историограф императора Петра I — А. М.), которых великая куча лежит в лавке у книгопродавца, и что в числе их есть такие, коих прочесть не можно,... то не медля того же часа поехал в лавку, и, не допуская до разбору ни книг, ни бумаг, без остатку все купил, — и не вышел из лавки, доколе всего, при себе положи на телеги, не отправил в дом свой...» [3, с. 78]. Кроме интереснейших документов царствования Петра I, в том числе и собственноручных его записок, здесь оказались и древнерусские манускрипты — летопись князя Кривоборского, летопись патриарха Никона, правленная им собственноручно, летопись с примечаниями В. Н. Татищева, Книга Большому Чертежу Российской империи.

Позднее А. И. Мусин-Пушкин получил еще одно собрание бумаг П. Н. Крекшина (непосредственно от наследников), среди которых исследователем был обнаружен «Летописец российский преподобного Нестора древлеписменной на пергамене». Эта летопись вошла в историю под названием Лаврентьевской летописи.

Уже в то время собрание рукописей, приобретенное Алексеем Ивановичем, высоко ценилось его современниками. Известен отзыв историка И. Н. Болтина: «Он, будучи крайний древностей наших любитель, великим трудом и изданием, а больше по счастью, по пословице: на ловца и зверь бежит, собрал много книг весьма редких и достойных уважения от знающих в таких вещах цену; невозбранно я по дружбе его ко мне оными пользуюсь, но не имел еще время не только всех их прочесть, ниже пересмотреть. Из надписей их и из почерка письма предварительно я уверен, что, прочетши их, много можно открыть относительно до нашей Истории, что поныне остается в темноте, или в совершенном безызвестии; но сие требует великих трудов...» [6].

Императрица Екатерина II, ознакомившись с коллекцией Мусина-Пушкина, способствовала дальнейшему ее увеличению. Она подарила собирателю несколько старинных книг и рукописей. Но главное, что вслед за назначением Алексея Ивановича обер-прокурором Синода (указ от 26 июля 1791 г.), указом (от 11 августа того же года) она повелела собирать в Синоде древние рукописи и старопечатные книги из всех церквей и монастырей России. Во все

епархии разослали предписание, обязывавшее присылать старинные бумаги, и уже в первый год было получено до ста рукописей. Мусин-Пушкин получил неограниченные возможности для исторических занятий. Часть поступлений впоследствии оказалась в его личном собрании.

Известно и то, что и сам Алексей Иванович «во многих старинных городах для собирания “древностей” учредил комиссионеров с приказом за книги платить щедро, а за станинные деньги и привесы платить противу весу вдвое; что узнав продавцы всюду объявляли и продавали охотно...» [3, с. 81].

В начале 1790-х в собрание А. И. Мусина-Пушкина среди прочих приобретений попадает рукописный сборник, в котором оказывается список никому не известного доселе «Слова о полку Игореве». Впоследствии граф на вопрос историка К. Ф. Калайдовича «“где найдена?”...» отвечал следующее: “до обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата, остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф в конце найдено “Слово о полку Игореве”...» [7, с. 35—36].

К 1793 г. у Мусина-Пушкина было уже 1725 рукописей. Особое место в этом рукописном собрании занимали черновые бумаги выдающихся людей. Первыми стали бумаги Екатерины II, которые Мусину-Пушкину подарила сама императрица: черновики к «Запискам касательно Российской истории», а также бумаги к новому Уложению.

Впоследствии к ним добавились бумаги митрополитов Димитрия Ростовского, Самуила Киевского, Гавриила Новгородского, Арсения Ростовского (Верещагина). Вместе с книгами А. А. Барсова и И. Н. Болтина к собирателю перешли и их личные архивы. Кроме рукописей и старопечатных книг, в собрание Мусина-Пушкина входил обширный мюнцкабинет — собрание монет и медалей, как отечественных, так и «чужестранных».

Вскоре после восшествия на престол Павла I в судьбе А. И. Мусина-Пушкина случились перемены: 27 июня 1797 г. он был возведен в графское Российской империи достоинство и назначен сенатором в 6-й (московский) департамент, а через два года, по собственному прошению, был уволен от службы и уехал на «покой» в Москву.

К тому времени в Первопрестольной у графа А. И. Мусина-Пушкина был собственный дом на Разгуляе, построенный на месте усадьбы Шепелевых, перешедшей в 1776 г. к Мусиным-Пушкиным. В этом великолепном особняке граф обосновался со своим семейством. Здесь же была размещена перевезенная из Петербурга богатейшая библиотека с рукописным отделом и разнообразными коллекциями.

«Архивным юношей» стал и его старший сын Иван, определенный в Московский архив Коллегии иностранных дел [8].

«Дом его на Разгуляе был всем известен» [9] — трехэтажный особняк был поставлен на рельефе, слегка повышающимся к площади. Верхние парадные этажи главного фасада, обращенного в Разгуляю, выделены высоким восьми-колонным портиком нарядного коринфского ордера. В треугольник фронтона

был вписан герб владельца особняка. Портик поднят на монументальную аркаду. Замковые камни в средней части арок и изящная балюстрада между колоннами подчеркивали торжественность архитектуры дома. Торцовый фасад по Елоховской улице (ныне Спартаковская — *А. М.*) более скромнен. В центре — выступ ризалита. Небольшой четырехколонный ионического ордера портик и скромное итальянское окно над ним являлись как бы отголосками архитектурного решения парадного фасада [2].

В доме на Разгуляе Алексей Иванович совместно с *А. Ф. Малиновским* и *Н. Н. Бантыш-Каменским* закончил подготовку к изданию жемчужины своей коллекции — «Слова о полку Игореве». В 1800 г. в Москве, в Сенатской типографии, тиражом в 1200 экземпляров была напечатана «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие».

Граф *А. И. Мусин-Пушкин* — «муж просвещенный и сведущий в Отечественной древней истории» — был избран почетным членом императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. Как историограф, *Н. М. Карамзин* присутствовал на первом заседании, состоявшемся 18 марта 1804 г. [10]. Общество начало работы по изданию древнейших летописей, для чего сиятельный член предоставил Лаврентьевскую летопись из своего собрания. «Нестор печатается, и мы понукаем издателей», — сообщал *Н. М. Карамзин* *А. И. Тургеневу* в конце 1808 г. [11].

К слову, среди частных коллекций рукописей и древностей, которыми пользовался *Н. М. Карамзин* во время работы над «Историей государства российского», собранию графа *А. И. Мусина-Пушкина* «принадлежит первое место и по количеству использованных памятников, и по интенсивности применения» [12]. По словам самого «колумба российских древностей», пушкинское собрание «не только прочесть, но ниже пересмотреть в короткое время невозможно».

«Часто бывал с Карамзиным» в доме на Разгуляе и *К. Ф. Калайдович*: «он показывал только известные рукописи, все прочие валялись у него в двух огромных залах; инде виднелся пергамент и т. д. Он всегда отзывался тем, что, разобрав, покажет их. Болтина бумаги также все пропали у него» [13].

В 1807 г. друг коллекционера *Н. Н. Бантыш-Каменский* убедил *Мусина-Пушкина* пожертвовать свое книжное и рукописное собрание Архиву Коллегии иностранных дел. Однако «похвального намерения исполнить не успел», поскольку переговоры об условиях передачи коллекции — граф просил предоставить должность ее хранителя своему сыну *Александру* — затянулись...

С началом Отечественной войны 1812 г. граф *А. И. Мусин-Пушкин* уехал в свое имение под Ярославлем, где занимался формированием крестьянского ополчения. Несмотря на то, что в отлучке Алексей Иванович долго быть не собирався, все-таки принял некоторые меры предосторожности: часть своих коллекций и, конечно, рукописи, а среди них и список «Слова...», спрятал в надежнейшую из своих кладовых, а вход в нее велел замуровать [14]. Вскоре, обеспокоенный судьбой дома в Москве и, в первую очередь, сохранностью драгоценнейшей коллекции, он выслал в Москву обоз из 32 подвод, чтобы пере-

править ее в ярославское имение графа Иломну... Позднее графиня Екатерина Алексеевна напишет сыну в армию, что из московского дома не вывезено «ничего, кроме серебра... Картины и библиотека, вся бронза остались...». Грандиозный пожар, объявший Москву вслед за вступлением в Первопрестольную Наполеона, не пощадил дома на Разгуляе...

В 1813 г. граф А. И. Мусин-Пушкин расскажет К. Ф. Калайдовичу: «Ныне сие единственное и драгоценное стяжание, многолетними трудами и большим иждивением собранное, к крайнему сожалению, почти все в Москве погибло, исключая тех только летописей и выписок, кои по счастью находятся у г-на историографа Карамзина и тех книг, кои были в деревне...» [3, с. 85—86].

Гибель всего рукописного собрания графа А. И. Мусина-Пушкина в московском пожаре 1812 г. расценивалась современниками как непоправимое бедствие в истории русской культуры. «Не перестаю тужить о пушкинской <библиотеке>. История наша лишилась сокровища», — писал Н. М. Карамзин А. Ф. Малиновскому в письме от 17 февраля 1813 г. [15].

Очень тяжело переживал гибель своего древлехранилища и сам граф — пожар в доме на Разгуляе, среди прочего, уничтожил и его собственноручные «повседневные записки», которые он вел в продолжении почти сорока лет...

Скончался граф А. И. Мусин-Пушкин 1 февраля 1817 г.: «печальный обряд отпевания тела его, совершенный февраля 5 в приходской церкви Богоявления за елоховым мостом, почтил преосвященный Августин с знатнейшим духовенством, своим присутствием. Тленные остатки несены были на руках его крестьянами от Москвы до места погребения и там преданы земле в моложском его селе Иломне...» [7, с. 24].

Впоследствии дом на Разгуляе не раз переменит хозяев, пока в 1943 г. не будет передан МИСИ имени В. В. Куйбышева (с 1993 — МГСУ) [16].

Аура дома, несомненно, тревожит память (здесь бывали В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. П. Погодин, И. А. Крылов, Л. А. Мей и др.), будоражит воображение нынешних его обитателей, среди коих есть те, кто верит, что графский особняк еще хранит свои тайны...

На недавно прошедшем аукционе «Доброе дело» МГСУ «представил оригинальный лот строительной тематики — свидетельство на поиск исторической рукописи “Слова о полку Игореве”, которое дает право на инженерно-техническое обследование подвальных помещений здания вуза на Спартаковской... Лот был продан за 140 тыс. рублей... Покупатель пожелал остаться неизвестным...» [17].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Молокова Т. А., Фролов В. П. Памятники культуры Москвы: из прошлого в будущее. М., 2007. С. 74.
2. Белецкий Я. М. История дома А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе // Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск, 1998. С. 134.
3. Записки для биографии графа А. И. Мусина-Пушкина // Вестник Европы. 1813. № 21—22.
4. Краснова Е. И. А. И. Мусин-Пушкин в Петербурге // Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск, 1998. С. 127.
5. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. В 4-х т. Т. 2. СПб., 2009. С. 570.

6. Болтин И. Н. Критические примечания на первый том Истории кн. Щербатова. СПб., 1793. С. 251—252.
7. Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества истории и древностей Российских. Ч. 2. М., 1824.
8. РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Кн. 77. Л. 256.
9. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Сочинения. Т. 7. М., 1989. С. 203.
10. Попов Н. А. История Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Ч. 1. М., 1884. С. 12.
11. Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Январь. С. 222.
12. Казаков Р. Б. Карамзин и собрание древностей графа А. И. Мусина-Пушкина // Мусины-Пушкины в истории России. Рыбинск, 1998. С. 82.
13. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. СПб., 1888. С. 159.
14. Белецкий Я. М. Спартаковская улица, 2/1: Путеводитель. М., 1986. С. 25.
15. Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860. С. 3.
16. Московский государственный строительный университет: история и современность. М., 2001. С. 23.
17. МГСУ разрешил искать «Слово о полку Игореве» в подвалах «Дома на Разгуляе» // Строительные кадры. 2012. № 4. Март. С. 3.
1. Molokova T. A., Frolov V. P. Pamyatniki kul'tury Moskvy: iz proshlogo v budushchee. M., 2007. S. 74.
2. Beletskiy Ya. M. Istoriya doma A. I. Musina-Pushkina na Razgulyae // Musiny-Pushkiny v istorii Rossii. Rybinsk, 1998. S. 134.
3. Zapiski dlya biografii grafa A. I. Musina-Pushkina // Vestnik Evropy. 1813. № 21—22.
4. Krasnova E. I. A. I. Musin-Pushkin v Peterburge // Musiny-Pushkiny v istorii Rossii. Rybinsk, 1998. S. 127.
5. Bantysh-Kamenskiy D. N. Slovar' dostopamyatnykh lyudey Russkoy zemli. V 4-kh t. T. 2. SPb., 2009. S. 570.
6. Boltin I. N. Kriticheskie primechaniya na pervyy tom Istorii kn. Shcherbatova. SPb., 1793. S. 251—252.
7. Kalaydovich K. F. Biograficheskie svedeniya o zhizni, uchenykh trudakh i sobranii rossiyskikh drevnostey grafa A. I. Musina-Pushkina // Zapiski i trudy Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh. Ch. 2. M., 1824.
8. RGADA. F. 180. Op. 1. Kn. 77. L. 256.
9. Klyuchevskiy V. O. Leksii po russkoy istoriografii // Sochineniya. T. 7. M., 1989. S. 203.
10. Popov N. A. Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Ch. 1. M., 1884. S. 12.
11. Pis'ma N. M. Karamzina k A. I. Turgenevu // Russkaya starina. 1899. Yanvar'. S. 222.
12. Kazakov R. B. Karamzin i sobranie drevnostey grafa A. I. Musina-Pushkina // Musiny-Pushkiny v istorii Rossii. Rybinsk, 1998. S. 82.
13. Barsukov N. Zhizn' i trudy M. P. Pogodina. Kn. 1. SPb., 1888. S. 159.
14. Beletskiy Ya. M. Spartakovskaya ulitsa, 2/1: Putevoditel'. M., 1986. S. 25.
15. Pis'ma Karamzina k A. F. Malinovskomu i pis'ma Griboedova k S. N. Begichevu. M., 1860. S. 3.
16. Moskovskiy gosudarstvennyy stroitel'nyy universitet: istoriya i sovremennost'. M., 2001. S. 23.
17. MGSU razreshil iskat' «Slovo o polku Igoreve» v podvalakh «Doma na Razgulyae» // Stroitel'nye kadry. 2012. № 4. Mart. S. 3.

© Мурашев А. А., 2012

Поступила в редакцию
в октябре 2012 г.

Ссылка для цитирования:

Мурашев А. А. Граф А. И. Мусин-Пушкин и его дом на Разгуляе (археографическая коллекция) // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Политематическая. 2012. Вып. 3(23).